

А. А. Бестужев-Марлинский. Замок Венден

(Отрывок из дневника гвардейского офицера)

Мая 23, 1821 года

Говорят, маршрут переменен и полк наш станет в Вендене.

Итак, я увижу сей столичный город древнего ливонского рыцарства, искони знаменитый битвами, осадами, усеянный костями храбрых, запечатленный кровию основателя. Винно фон Рорбах, первый магистр Меченосного ордена, построил Венден, первый замок в Ливонии [Кроме Вендена, построенного в 1204 году, он выстроил замки Сегевольд и Атераден. (Примеч. автора.)]. Любуясь величавыми его стенами, он не мыслил, что они скоро обратятся в его гроб; не думал, что трофеи побед станут свидетелями его смерти, и смерти бесславной.

Рыцари, воюя Лифляндию, покоряя дикарей, изобрели все, что повторили после того испанцы в Новом Свете на муку безоружного человечества. Смерть грозила упорным, унижительное рабство служило наградой покорности. Напрасно папы гремели проклятиями на хищников священных прав человечества [Папы Иннокентий III, Григорий IX и Александр III настаивали, чтобы новообращенные христиане не были угнетаемы под игом суровейшего рабства, ставившего их наряду с животными бессловесными; но сии благородные усилия остались бесплодны. (Примеч. автора.)], вотще напоминали крестоносцам их обет братской любви к побежденным, приявшим крещение, и кротости с обращающимися в христианство; кровь невинных лилась под мечом воинов и под бичами владельцев. Вооружаясь за священную правду, рыцари действовали по видам алчного своекорыстия или зверской прихоти. Старшины Ордена примером своим вливали соревнование в подчиненных; жестокость служила правом к возвышению, и Рорбах недаром был магистром.

Однажды, в красный день осени, со стаей собак выехал он полевать в лугах и лесах соседних.

Людная дворян толпилась вокруг его: доезжачие, вооруженные копьями, скакали на литовских конях, с гордостью грызущих непривычное им железо мундштука германского; стремянные, с ножами за поясом, вели на смывках любимых собак господина, и старый ловчий с звонким рогом за спиной, на крымском жеребце [Рыцари покупали коней наиболее у литовцев, а сии, имея стычки с крымцами, могли доставать лошадей крымской породы, особенно уважаемых за быструю скачку. (Примеч. автора.)], поодаль следовал за охотниками и каждому назначал место, когда гончие из острова выгонят зайца или поднимут серого волка или хитрую лисицу. Окрестным поселянам приказано было оставлять работы свои и спешить в лес, - чтобы криком выгонять робких его обитателей.

- Вассалы рыцаря Вигберта фон Серрата не слушают твоих приказаний! - сказали магистру его посланцы, и магистр закипел гневом, поскакал к ослушникам, и бичи засвистели над их головами.

- Остановись, Рорбах! - вскричал Вигберт, приближаясь к магистру. - Остановись! Я не велел им тебя слушаться.

- Тем хуже для тебя, Серрат!

- Но тем страннее, что ты наказываешь их за повиновение их владельцу.

- Фон Вигберт, кажется, не в шутку вступает за этих бездельников.

- Для меня нет там шуток, где страждет человечество. Неужто для одного наружного украшения начертали мы кровавый крест на груди своей? Крест - символ благодати и терпения?

- Терпения - для вассалов? Эти получеловеки служат, покуда у них рогатки на шее и страх над головою!

Коротко и ясно, Вигберт, не у тебя первого, не у тебя последнего я это делаю: повинуйся...

- Другие мне не указ. Пусть они подражают тебе, пусть тебя превосходят; я ставлю в честь быть защитником моих вассалов и не поущу угнетать их никому, ни для чего. Одному удивляюсь, магистр, что ты, избранный нами в блюстители правосудия, нарушаешь все его законы!

- Рыцарь! я не прошу твоих советов, не хочу слушать выговоров; но ты обязан слушаться приказов магистра.

- Верю, магистр, что ты не охотник до правды; но терпенье мое вырвалось из границ. Я молчал, когда ты тенетил серн в рощах моих, на моих заповедных лугах травил зайцев; но теперь, когда бог дает селянам погоду, а ты